

Е. В. Михайлова
Институт государства и права
Российской академии наук
(Москва)

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуется проблема проявления и дифференциации частных и публичных начал в цивилистическом судопроизводстве. Автор отталкивается от прямой взаимосвязи между природой подлежащего защите нарушенного или оспоренного права или законного интереса и процессуальной формой его защиты. Показано, что гражданские правоотношения не всегда основаны на равенстве участвующих в них субъектов. Кроме того, участвующее в гражданском правоотношении государство преследует публичный интерес, вследствие чего предметом гражданского и арбитражного процесса в ряде случаев выступает не только частное, но и публичное право. Адекватные этому процессуальные правила рассмотрения указанных дел законодателем не сформулированы.

Предлагается включить в ГПК РФ и АПК РФ разделы, регулирующие процессуальные особенности рассмотрения дел с участием государства, либо закрепить в КАС РФ единый критерий для определения публично-правовых дел, подлежащих рассмотрению по правилам административного судопроизводства. Публичное начало цивилистического процесса также детерминировано публично-правовой функцией суда, осуществляющего правосудие. В силу этого суд не вправе изменять правовые нормы и по собственному усмотрению делать выводы об их юридической силе. Подвергается сомнению соответствие судебной примирительной процедуры общим началам судопроизводства как публично-правовой деятельности.

Ключевые слова: *цивилистический процесс, процессуальная форма защиты, частное и публичное право, государство как субъект гражданского правоотношения, судебное усмотрение, доказывание, судебная примирительная процедура*

Для цитирования

Михайлова Е. В. Конвергенция частного и публичного в цивилистическом процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 35–44. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44.

УДК 34 (075.8)

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44

Введение

В последнее десятилетие явно прослеживается тенденция к дифференциации процессуальных форм защиты частных и публичных прав, апофеозом которой стало принятие в 2015 г. КАС РФ. Тем не менее современный цивилистический процесс, под которым мы понимаем гражданское и арбитражное судопроизводство, по-прежнему представляет собой бессистемное соединение публичных и частноправовых начал. Подчас трудно определить не только природу подлежащего рассмотрению дела, но и сам алгоритм про-

цессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц.

Ответственность в этом вопросе лежит на законодателе, который не закрепил четкого критерия классификации гражданских дел на частноправовые и публично-правовые и не определил особенности рассмотрения и разрешения тех и других. Гражданско-процессуальные нормы предусматривают возможность рассмотрения частноправовых дел в рамках искового и особого производства. Дела, вытекающие из публичных правоотношений, ранее рассматривавшиеся по правилам специального раздела ГПК РФ, теперь

подлежат разрешению согласно нормам КАС РФ. Следовательно, все дела, возникающие из частноправовых отношений, должны рассматриваться судами общей юрисдикции по правилам гражданского судопроизводства.

Понятие и признаки частноправового отношения можно вывести из положений Гражданского кодекса РФ. Так, уже в ч. 1 ст. 1 ГК РФ закреплено, что гражданское законодательство основывается на признании равенства субъектов данных отношений¹. Физические и юридические лица осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. В ст. 124 установлено, что публично-правовые образования² выступают в гражданских правоотношениях на равных началах с иными участниками этих отношений.

По-иному устроены публично-правовые отношения, что отражено в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» указывается, что «к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику».

Таким образом, споры субъектов, находящихся в отношениях равенства, должны быть рассмотрены по правилам гражданского судопроизводства. Напротив, если участники спорного материального правоотношения на-

ходятся в отношениях власти и подчинения, дело должно быть рассмотрено по правилам административного судопроизводства. Однако правоотношения, урегулированные гражданским законодательством, далеко не однородны.

Например, все правоотношения, связанные с распоряжением недвижимым имуществом, предполагают государственную регистрацию перехода прав. Вопрос о природе этих отношений был в недавнем прошлом таким острым, что стал предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации. Суд разъяснил: «Законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество является, таким образом, признанием со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития... Подход, основанный на отождествлении публично-правовых споров и гражданско-правовых споров, решение по которым влечет за собой необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество, не учитывает конституционно-правовую природу соответствующих правоотношений... Следовательно, отношения по поводу государственной регистрации нельзя считать содержательным элементом спорного правоотношения, суть которого остается частноправовой, а „публичный эффект“ появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия»³.

Вывод о частноправовой природе споров, способных повлечь государственную регистрацию перехода прав на недвижимость, тем не менее, представляется спорным. Право собственности на недвижимое имущество возникает именно с момента государствен-

¹ А. Я. Вышинский описывал тонкости понимания равенства в праве так: «По своей природе право может состоять лишь в применении равного мерил; но неравные индивиды могут быть измеряемы одним и тем же мерилем лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут их с определенной стороны...» [Вышинский 1949: 12].

² Термин «публично-правовое образование» не закреплен законодательно, однако доктрина исходит из следующего его определения: «Целесообразно отнести к публично-правовым сообществам-образованиям следующие территориальные единицы: само государство в его границах, субъект федерации – государственное или государствовподобное образование, территориальную автономию, муниципальное образование» [Савенков, Чиркин 2018: 23].

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

ной регистрации, поэтому следует признать, что государство в лице соответствующего наделенного необходимыми полномочиями регистрационного органа выступает третьим участником правоотношения. Так же очевидно, что в данном правоотношении государство реализует функцию управления и находится с двумя другими, частноправовыми, участниками сделки в состоянии юридического неравенства, в отношениях власти и подчинения. В связи с этим позиция ВАС РФ, согласно которой правоотношения в сфере распоряжения недвижимостью являются публично-правовыми, заслуживает, на наш взгляд, большей поддержки.

Рассуждения эти не умозрительны. Их практическое значение заключается в том, что споры, возникающие из распоряжения недвижимым имуществом, сейчас рассматриваются и разрешаются в рамках гражданского процесса (искового производства). Это влечет для их участников все те правовые последствия, которые возникают при судебном разбирательстве частноправовых конфликтов: каждая сторона в соответствии с принципом состязательности должна самостоятельно доказать свои требования и возражения; суд является независимым арбитром и руководствуется принципом «формальной истины», не вмешиваясь в «состязание сторон» и не имея права выйти за пределы заявленных требований и приведенных доводов. Соответственно, орган государственной власти, зарегистрировавший переход права, привлекается к участию в деле в лучшем случае в качестве третьего лица и не обязан, как в административном судопроизводстве, доказать законность и обоснованность совершенных им действий.

Если бы указанные споры разрешались как публично-правовые конфликты, т. е. в порядке административного судопроизводства, то на регистрационный орган была бы возложена обязанность доказать, что он действовал строго в соответствии с законом, имел все основания совершить те или иные действия. Суд в административном судопроизводстве характеризуется высокой степенью процессуальной активности и вправе выходить как за пределы заявленных участниками дела доводов, так и за рамки их требований.

Таким образом, рассмотрение и разрешение споров о правах на недвижимое имуще-

ство в гражданском процессе лишает их стороны ряда «процессуальных льгот» и в итоге ослабляет и так чувствительную сферу жилья и иного недвижимого имущества.

В порядке гражданского судопроизводства разрешаются и другие дела, имеющие «вертикальный» характер: например, дела о лишении и ограничении дееспособности, родительских прав, о расторжении брака, споры, возникающие из пенсионных и иных отношений, связанных с социальным обеспечением граждан, и т. п.

Надо понимать, что одним из участников указанных спорных материальных правоотношений выступает государство. В соответствии с ч. 1 ст. 125 ГК РФ органы государственной власти в рамках их компетенции своими действиями приобретают и осуществляют от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации имущественные и личные неимущественные права и обязанности, в том числе выступают в суде. Реализуемый ими публичный интерес определяет как природу спорного материального правоотношения с их участием, так и процессуальные особенности рассмотрения дела.

Помимо этого, публичное начало в гражданском процессе определяется и правовым статусом суда, рассматривающего дело. Даже если предметом судебной защиты является нарушенное или оспоренное частное право или интерес, само гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное правоотношение – это публично-правовое отношение. Суд как орган государственной власти, отправляя правосудие по гражданскому делу, реализует публичные, властные полномочия. По этой причине любое судопроизводство есть правоотношение, предметом которого выступает реализация государственной функции.

Процессуальные особенности рассмотрения публично-правовых дел в гражданском процессе

После исключения из структуры ГПК РФ раздела, регулирующего порядок рассмотрения и разрешения публично-правовых дел, в ней сохранились лишь исковое, особое и иные неисковые производства, связанные с осуществлением ряда государственных функций, например оказанием содействия третейским судам (арбитражам). Спорным

является вопрос о характере приказного, заочного и упрощенного производств: некоторые авторы понимают их как самостоятельные виды гражданского (арбитражного) судопроизводства, другие – как «упрощенное» исковое производство. Но в данном случае значение имеет то, какие по природе дела рассматривает суд (арбитражный суд) по правилам любого производства.

Как было сказано выше, исковое производство онтологически предназначено для рассмотрения и разрешения частноправовых спорных дел, стороны которых юридически равны друг другу. В ряде же случаев по его правилам суды разрешают дела, стороны

должно придать существенную специфику процессуальной форме рассмотрения дела.

Ученые отмечают наличие у указанных органов публичной власти заинтересованности в деле, правильно понимая ее как «государственную». Так, О. С. Батова пишет, что личная заинтересованность в делах об ограничении и лишении родительских прав присуща ребенку, его родителям или фактическим воспитателям, а государственная – прокурору, органам опеки и попечительства, уполномоченным на предъявление иска органам публичной власти и организациям [Батова 2006].

В Семейном кодексе нет норм процессуального характера, регулирующих доказывание по делам о лишении или ограничении родительских прав. Следовательно, оно осуществляется по общим правилам, закрепленным в ст. 56 ГПК РФ³. Одним из основополагающих правил, разграничивающих судебное рассмотрение частноправовых и публично-правовых дел, всегда было положение, согласно которому орган публичной власти, должностное лицо должны доказать законность своих актов, действий (бездействия), решений, которые являются предметом спора.

С одной стороны, в делах рассматриваемой категории (делах о лишении и ограничении родительских прав) нет актов, решений и действий публичной власти, с которыми не согласна «частноправовая сторона». С другой стороны, любой спор государства с частным лицом – не только связанный с оспариванием публично-правовых актов, действий, бездействия – предполагает допроцессуальное неравенство, «вертикаль», которая в процессуальной сфере должна быть нивелирована, преобразована в «горизонталь». Особенно ярко это проявляется как раз в делах об ограничении или лишении родительских прав, поскольку родитель, «обвиняемый» в недобросовестном выполнении своих родительских обязанностей, достаточно часто характеризуется низким общим уровнем социального развития и очевидно не в состоянии противостоять представителям власти.

Любой спор государства с частным лицом предполагает допроцессуальное неравенство, «вертикаль», которая в процессуальной сфере должна быть нивелирована, преобразована в «горизонталь»

которых находятся в отношениях власти и подчинения. Это происходит тогда, когда одной из сторон правового конфликта является государство в лице его компетентных органов или должностных лиц, осуществляющее в отношении другой стороны властные полномочия. Например, в делах об ограничении¹ и лишении² родительских прав участвуют представители публичной власти.

Очевидно, что в случае если заявление о возбуждении производства по делу о лишении или ограничении лица в родительских правах предъявлено указанными органами власти, организациями или прокурором, то истцом в деле является государство. Это

¹ В силу ч. 3 ст. 73 СК РФ «иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен близкими родственниками ребенка, органами и организациями, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 70 настоящего Кодекса), дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями, а также прокурором».

² Согласно ч. 1 ст. 70 СК РФ «дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и других)».

³ Часть 1 ст. 56 ГПК РФ гласит: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом».

В порядке особого производства в гражданском процессе рассматриваются дела об ограничении дееспособности гражданина и о лишении его дееспособности.

Некоторые авторы считают, что ограничение дееспособности гражданина или лишение его дееспособности лежит вовсе не в плоскости публично-правовых отношений, а связано лишь с тем, что суд подтверждает наличие обстоятельств, не позволяющих гражданину в полной мере руководить своими действиями [Павлова 2022]. С этим подходом согласиться нельзя. Если бы решение суда служило лишь основанием для совершения другим органом власти действий по ограничению или лишению гражданина дееспособности, то можно было бы говорить о том, что суд лишь констатирует наличие обстоятельств для ограничения дееспособности гражданина или лишения его дееспособности. Но гражданин лишается дееспособности или ограничивается в ней именно по решению суда (ст. 285 ГПК РФ)¹.

Следовательно, помимо того что в этих делах очевидно присутствует спор о праве, он к тому же имеет публично-правовой характер, так как предполагает изменение правового статуса лица и лишение его ряда прав, предоставленных ему законодательством. Производится это изменение исключительно по решению суда, т. е. по решению органа государственной власти. В данном случае суд осуществляет не функцию отправления правосудия, под которой понимается государственная защита нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов, а иную государственную функцию, направленную на изменение правового статуса гражданина. Вероятно, именно поэтому дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении отнесены к особому производству, наименование которого призвано подчеркнуть особенный (не связанный с правосудием) характер реализуемой судебной функции.

¹ Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что «решение о признании гражданина недееспособным принимается судом по результатам рассмотрения соответствующего дела» (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой).

Дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении являются, таким образом, публично-правовыми и тоже должны рассматриваться с учетом этого обстоятельства, включая особый порядок доказывания, активную роль суда, принцип объективной истины и т. д.

Представляется, что в действующем гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве целесообразно сформировать разделы, содержащие специальные правила рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел с участием государства, т. е. публично-правовых дел. К числу таких процессуальных особенностей должны быть отнесены правило распределения обязанностей по доказыванию и принцип объективной истины и процессуальной активности суда, которому следует предоставить право при рассмотрении указанных дел выходить за пределы заявленных требований и доводов. Необходимо предусмотреть запрет на заключение в таких делах мировых соглашений, поскольку нельзя распоряжаться спорным публичным правом или интересом путем реализации отдельными субъектами уступок и компромиссов, которые предполагает любое примирение спорящих сторон. Не случайно в период действия ГПК РСФСР 1964 г. заключение мировых соглашений в делах, возникающих из административных соглашений, не допускалось [Научно-практический комментарий 1976: 302]. Не разрешались мировые сделки и в дореволюционный период, в так называемых делах казны [Васьковский 2003: 133–136].

Конечно, принятие этого предложения приведет к известной «конкуренции» ГПК РФ и КАС РФ. В связи с этим вторым вариантом решения проблемы могут быть закрепление в КАС РФ четких критериев для определения дел публично-правовой природы и отнесение их всех к административному судопроизводству.

Правовой статус суда и его влияние на цивилистический процесс

Суд – это орган государственной власти, а правосудие – разновидность государственной деятельности по защите нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов. Соответственно, правоотношения,

складывающиеся с участием суда в процессе отправления им правосудия, имеют публично-правовую природу¹.

В научной литературе периодически возобновляется дискуссия о правах и обязанностях суда в гражданском и арбитражном процессе. Некоторые ученые рассматривали права суда как одновременно его обязанностями [Елисейкин 1975: 70–71]. С этим мнением был категорически не согласен Р. Е. Гукасян, считавший, что обязанности суд несет, как и любой другой орган государственной власти, перед лицом самого государства [Гукасян 2008: 400].

Несомненно, в судопроизводстве суд осуществляет функцию государственного управления, поэтому реализуемое им право является публичным. В силу этого суд в своей деятельности связан положениями закона². Отсюда вытекает принцип законности судопроизводства. Выносимое по делу решение должно быть законным, т. е. должно соответствовать нормам материального и процессуального права³.

Будучи выразителем воли государства, суд не вправе творить законы, изменять их смысл и назначение, его деятельность имеет исключительно правоприменительный характер. Здесь есть несколько проблемных моментов.

Первый связан с судебным усмотрением. Необходимость его существования диктуется самой жизнью и абстрактным содержанием объективных правовых норм: закрепляя лишь общее для неограниченного круга субъектов правило поведения, закон предоставляет суду право самостоятельно применить его к спорным материальным правоотношениям, исходя из конкретных фактических и юридических обстоятельств дела. Нормативно судебное усмотрение закреплено в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, согласно которой «в случае отсутствия нормы процессуального

права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи... применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)».

Однако любое усмотрение опасно близко к произволу, поэтому необходимы его «ограничители». Одним из таких ограничивающих механизмов выступают руководящие положения, закрепленные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Они призваны обеспечивать единое понимание судами положений законодательства и способствуют единообразию судебной практики. Другим «ограничителем» судебного усмотрения выступает правило, в соответствии с которым при выявлении противоречия между положениями нормативных правовых актов суд применяет закон, имеющий большую юридическую силу, а при необходимости – напрямую Конституцию. Кроме того, суд вправе обратиться с запросом о проверке соответствия Конституции нормативного правового акта, в связи с чем он обязан приостановить производство по делу (ст. 215 ГПК РФ).

Надо подчеркнуть, что обращение в Конституционный Суд с запросом о проверке соответствия применяемого в деле закона Конституции РФ – право, а не обязанность суда. При этом право определения того, соответствует ли федеральный закон Конституции, – прерогатива Конституционного Суда, и суд, рассматривающий дело, может сделать неверные выводы по этому вопросу. Соответственно суд, применяя закон, имеющий большую юридическую силу, может неосновательно «игнорировать» нормативный акт, прямо регулирующей спорные правоотношения, и в итоге неправильно разрешить дело.

Между тем, учитывая публично-правовой характер функции, осуществляемой судом при отправлении правосудия, и недопустимость произвольного распоряжения публичным правом, распространяющуюся на все органы государственной власти, в том числе суд, следует закрепить обязанность суда, выявившего в ходе рассмотрения дела предполагаемое несоответствие нормативного правового акта Конституции, обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд

¹ Так, Н. А. Чечина указывала: «Процессуальные правоотношения являются властеотношениями, так как их субъекты находятся в отношениях власти и подчинения» [Чечина 2004: 20].

² Например, А. С. Алексеев подчеркивал, что «законы обнимают как организацию административных учреждений, так и нормы их деятельности» [Алексеев 1897: 8].

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (в ред. от 23 июня 2015 г.) «О судебном решении».

РФ. Также целесообразно закрепить правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ в качестве источника процессуального права. В настоящее время их юридическая сила имеет неопределенный характер.

Другой проблемный момент, связанный с публично-правовой природой правосудия, заключается в активно внедряемом в систему защиты нарушенных и оспоренных гражданских прав, свобод и законных интересов институте судебного примирения.

Как известно, в 2019 г. в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ были включены нормы, регулирующие судебную примирительную процедуру. Серьезные сомнения вызывает совместимость публично-правового статуса суда и посреднической деятельности, которую реализует судебный примиритель. Проблема отнюдь не решается тем, что судебным примирителем выступает не тот судья, который рассматривает дело, а судья в отставке, утвержденный в качестве судебного примирителя.

Суд – это орган государственной власти, и действует он в лице судей, но от имени суда действуют еще секретарь судебного заседания, помощник судьи. В широком смысле в категорию «суд» включается и организационно-технический персонал суда (например, канцелярия, принимающая и датирующая поступившее исковое заявление). К суду в широком смысле относятся участвующие в рассмотрении дела арбитражные заседатели. Поэтому думается, что судебный примиритель выступает не в собственном правовом статусе, а в статусе соответствующего суда, действует от его имени, тем более что судебная примирительная процедура регулируется нормами гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального законодательства и, следовательно, представляет собой процессуальную деятельность.

Осуществление любой примирительной процедуры, в том числе судебной, есть посредническая деятельность, разновидность гражданско-правовой деятельности. В связи с этим вызывает дискуссии вопрос о том, соответствует ли реализуемому судом при рассмотрении гражданского дела публичному интересу посредническая деятельность, осуществляемая судебным примирителем. Конвергенция частного и публичного в этом аспекте проявляется весьма неоднозначно.

Например, один из основополагающих принципов правосудия – принцип гласности. В соответствии с ним рассмотрение дел в судах производится в открытых судебных заседаниях (ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 11 КАС РФ). При этом в ст. 6 Регламента проведения судебного примирения закрепляется принцип конфиденциальности¹.

Конечно, непродуктивно проводить процедуру примирения публично, тем более что в ходе нее стороны правового конфликта могут делать признания, заявления, которые, если примирение не было достигнуто, не могут потом использоваться в судебном процессе в качестве доказательств. Однако принцип конфиденциальности судебной примирительной процедуры, подтверждающий ее частно-правовую сущность, приходит в явное противоречие с публично-правовой функцией суда как органа власти, осуществляющего функцию государственной защиты прав, свобод и законных интересов. Возможно, выходом из ситуации было бы сосредоточение примирительной функции в руках отдельного юрисдикционного, негосударственного органа. Больше всего для этого подходит нотариат.

Ситуация, при которой суд разъясняет сторонам их право на заключение мирового соглашения, и, если соответствующее волеизъявление выражено, откладывает судебное разбирательство, лучше всего соответствует его публично-правовой функции.

Выводы

Частное и публичное в праве, несмотря на давнюю традицию их противопоставления, неразделимы. Само публичное право – это властное полномочие, направленное на реализацию и защиту частных прав. В процессуальном праве, представляющем собой совокупность правовых норм, регулирующих отправление правосудия, конвергенция частного и публичного является следствием сочетания частных и публичных начал в спорных материальных правовых отношениях.

При этом следует констатировать, что в цивилистическом процессе России преобладают публично-правовые черты.

Это связано в первую очередь с тем, что в порядке гражданского и арбитражного су-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

допроизводства рассматривается большое количество публично-правовых дел. Прежде всего арбитражные суды по-прежнему, несмотря на принятие КАС РФ, рассматривают и разрешают дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. Кроме того, в цивилистическом процессе разрешаются иски с участием публично-правовых образований. Поскольку они реализуют публичный интерес, необходимо закрепить процессуальные особенности рассмотрения дел с участием публично-правовых образований. Процессуальная активность суда в указанных делах должна быть значительно выше, чем при рассмотрении правовых конфликтов с участием частноправовых субъектов. Суд должен руководствоваться принципом объективной истины, при необходимости по собственной инициативе истребовать доказательства, выходить за пределы заявленных сторонами требований и доводов.

Помимо этого, в гражданском и арбитражном процессе рассматриваются публично-правовые по своей сути дела, например дела о лишении или ограничении родительских прав, ряд пенсионных дел публично-правовой природы, дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении.

В свете этого представляется правильным пойти по одному из двух путей: закрепить в КАС РФ единый критерий для определения публично-правовых дел и отнесения их

к административному судопроизводству либо включить в ГПК РФ и АПК РФ разделы, регулирующие процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел с участием государства.

Следует подчеркнуть, что сам цивилистический процесс, как и любое другое судопроизводство, закрепленное в ст. 118 Конституции РФ, имеет публично-правовую природу. Поскольку в рамках гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных правоотношений суд реализует свои публичные полномочия, он не вправе по собственному усмотрению изменять смысл или назначение применяемого в деле законодательства.

Судебная примирительная процедура в настоящее время представляет собой элемент гражданской процессуальной, арбитражной процессуальной и административной процессуальной формы, включается в правосудие. При этом ее соответствие публично-правовой функции, реализуемой судом, вызывает сомнение.

В целом проблема конвергенции частного и публичного имеет наибольшее значение именно в процессуальной сфере. Порядок защиты нарушенного права должен отвечать природе правоотношения, из которого возник конфликт. В противном случае его сторонам не будут предоставлены конституционно гарантированные средства защиты, и сам результат судебной деятельности будет незаконным.

Список литературы

- Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. 582 с.
- Батова О. С. Пути устранения противоречий гражданского процессуального и семейного законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 139–144.
- Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
- Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1949. 424 с.
- Лукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
- Елисейкин П. Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: ЯГУ, 1975. 93 с.
- Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. М.: Юрид. лит., 1976. 600 с.
- Павлова М. С. Дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке и дела об ограничении дееспособности, признании гражданина недееспособным: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2022. № 3. С. 190–203.

Савенков А. Н., Чиркин В. Е. Конституционные основы социального и территориально-го единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12. С. 18–29. DOI: 10.31857/S013207690002197-8.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 655 с.

Екатерина Владимировна Михайлова – доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник. 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.

ORCID: 0000-0003-0313-3813

Convergence of Private and Public in the Civil Procedure

The paper examines the manifestation and differentiation of private and public principles in civil proceedings. The author starts from the direct relationship between the nature of the violated or disputed right or legitimate interest to be protected and the procedural form of its protection. It is shown that civil legal relations are not always based on the equality of the subjects participating in them. In addition, the state participating in a civil legal relationship pursues public interests, as a result of which the subject of civil and arbitration proceedings in a number of cases is not only private law, but also public law. The legislator has not formulated adequate procedural rules for considering these cases.

The author proposes to include in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Commercial Procedure Code of the Russian Federation sections regulating the procedural features of the consideration of cases with the participation of the state, or to consolidate in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation a single criterion for determining public law cases subject to consideration according to the rules of administrative proceedings. The public ground of the civil procedure is also determined by the public legal function of the court administering justice. Because of this, the court does not have the right to change legal norms, nor, at its own discretion, make conclusions about their legal force. The compliance of the judicial conciliation procedure with the general principles of legal proceedings as a public legal activity is questioned.

Keywords: *civil procedure, procedural form of protection, private and public law, state as a subject of civil legal relations, judicial discretion, evidence, judicial conciliation procedure*

Recommended citation

Mikhailova E. V. Konvergentsiya chastnogo i publichnogo v tsivilisticheskom protsesse [Convergence of Private and Public in the Civil Procedure], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 35–44, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44.

References

Alekseev A. S. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konspekt lektsii* [Russian State Law. Lecture Notes], Moscow, Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig, 1897, 582 p.

Batova O. S. Puti ustraneniya protivorechii grazhdanskogo protsessual'nogo i semeinogo zakonodatel'stva pri rassmotrenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detei [Ways to Eliminate Contradictions in Civil Procedural and Family Legislation when Considering Disputes Related to the Upbringing of Children], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 6, pp. 139–144.

Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-та, 2004, 656 p.

Eliseikin P. F. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniya* [Civil Procedural Legal Relations], Yaroslavl', 1975, 93 p.

Gukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Moscow, Prospekt, 2008, 480 p.

Kallistratova R. F., Lesnitskaya L. F., Puchinskii V. K. (eds.) *Nauchno-prakticheskii kommentarii k GPK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary to the Civil Procedure Code of the RSFSR], Moscow, Yurid. lit., 1976, 600 p.

Pavlova M. S. Dela o hospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu organizatsiyu v nedobrovol'nom poryadke i dela ob ogranichenii deеспosobnosti, priznanii grazhdanina nedeesposobnym: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Cases of Involuntary Hospitalization of a Citizen to a Medical Organization and Cases of Restriction of Legal Capacity, Recognition of a Citizen as Incompetent: Some Issues of Theory and Practice], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2022, no. 3, pp. 190–203.

Savenkov A. N., Chirkin V. E. Konstitutsionnye osnovy sotsial'nogo i territorial'nogo edinstva i differentsiatsii publichnoi vlasti. O novom prochtenii i 25-letnem opyte osushchestvleniya nekotorykh polozhenii Konstitutsii RF 1993 g. [Constitutional Foundations of Social and Territorial Cohesion and the Differentiation of Public Power. The New Reading and 25 Years of Experience with the Implementation of Certain Provisions of the Constitution of the Russian Federation, 1993], *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 12, pp. 18–29, DOI: 10.31857/S013207690002197-8.

Vas'kovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsesssa* [Textbook of Civil Procedure], Moscow, Zertsalo, 2003, 464 p.

Vyshinskii A. Ya. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Questions of the Theory of State and Law], Moscow, Yurid. lit., 1949, 424 p.

Ekaterina Mikhailova – doctor of juridical sciences, associate professor, acting head of the Sector of procedural law, chief researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019, Russian Federation, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: e.v.mikhailova@bk.ru.
ORCID: 0000-0003-0313-3813

Дата поступления в редакцию / Received: 02.08.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.09.2024